

Глава 19. Каждый сам за себя

Пожар сожрал уже добрую половину здания стационара. Теперь корпус походил на гигантский свиток, левую часть которого безжалостно предали огню.

Из палат доносились отчаянные крики и плач — запертые внутри люди тщетно пытались выломать тяжелые двери.

Цзяо Лю попятился, но с ужасом осознал, что отступать некуда: лестничный пролет позади него просто растаял в воздухе.

Огромное здание превратилось в замкнутую ловушку. Выхода не существовало.

Гу Вэй и И Цяньвань по-прежнему стояли на месте, словно бушующее вокруг пламя их совершенно не касалось.

Если еще пару минут назад, при первых подозрениях, Цзяо Лю обдало ледяным потом, то теперь он чувствовал себя как на раскаленных углях. Назад дороги нет, а впереди — те, кому нельзя верить. Гу Вэй чертовски логично обосновал свои сомнения насчет И Цяньваня. Вот только и к самому Гу Вэю вопросов было не меньше.

И Цяньвань промолчал.

Впрочем, Гу Вэя это ни капли не удивило — ему, по большому счету, было плевать.

Он неторопливо выпрямился, коснулся узла своего галстука и легким щелчком пальцев распустил его.

В его глазах, привыкших к полутьме, яростно отражалось пламя, подступавшее к И Цяньваню со спины.

— Знаешь, если у тебя и впрямь есть шуры-муры с этой дебильной Системой, — Гу Вэй усмехнулся собственной мысли, но в этой усмешке блеснуло лезвие бритвы, — то даже если ты разыгрываешь это представление ради меня... мне придется переступить через себя и избавиться от тебя.

Он картинно вздохнул, склонив голову набок и приподняв брови:

— Ох уж эти высокие моральные принципы! Вечно от них одни проблемы.

Но в его жесте не было ни тени сомнения. Резкий взмах руки — и галстук, скользя между пальцев, полетел напрямик в голодную пасть огня.

Гу Вэй не сделал ни шага назад перед наступающей стеной пламени. Он собирался собственными глазами увидеть, как И Цяньвань заставит Систему отступить. Ему нужно было подтверждение.

И Цяньвань засунул руку в карман брюк. В его наушнике зазвучал ровный голос Эйли, зачитывавшей результаты проверки:

— Гу Вэй, двадцать лет. Из близких родственников — только дед, Гу Айго, теневой мультимиллионер, о богатстве которого мало кто догадывается. Родители погибли в автокатастрофе, когда парню было двенадцать.

— Я взломала все доступные базы данных. В его биографии нет ничего примечательного. Обычный парень.

И Цяньвань нащупал пачку, достал сигарету и выудил зажигалку. Он уже собирался чиркнуть колесиком, когда Эйли добавила:

— Хотя... если придирается, есть одна странность. В шестнадцать лет он увлекался автогонками. Во время одного из заездов на треке произошла массовая авария — сгорело больше десятка машин. И только Гу Вэй выбрался из этого ада без единой царапины. Об этом даже мельком раструбили в новостях. Я детально изучила архивные записи с камер — никакой мистики. Ему просто чертовски повезло.

И Цяньвань замер.

— Стереть сегодняшние видеозаписи? — после секундного колебания спросила Эйли. — Система эволюционирует пугающе быстро. Не факт, что в следующий раз я смогу обойти ее защиту.

Пламя уже лизало спину И Цяньваня.

То ли дело было в отсветах пожара, то ли в чем-то еще, но ледяная маска на его лице наконец дала трещину, уступив место чему-то живому, почти человеческому.

Он слегка повернул голову и прикурил сигарету прямо от ревущего рядом огненного вихря.

Огонь подбирался к его ногам, но И Цяньвань даже не подумал защищаться.

Гу Вэй насмешливо приподнял бровь:

— Если ты не собираешься ничего делать, то сейчас...

Договорить он не успел. Огненные языки послушно обогнули И Цяньваня.

Гу Вэй задумчиво постучал пальцами по бедру.

«Кара Системы на него не действует?»

Мужчина стоял в самом эпицентре бушующего ада, но пламя не причиняло ему вреда. Огонь не тронул ни единого волоска на его голове. Даже сигарета в его руке продолжала медленно тлеть сама по себе, совершенно не замечая ревущего вокруг пожара.

У Цзяо Лю едва глаза на лоб не полезли от этой чертовщины!

Тем временем огненный вал устремился к Гу Вэю.

И Цяньвань опустил взгляд, сделал глубокую затяжку и, посмотрев на парящий неподалеку объектив камеры, негромко произнес:

— Я выкупаю это наказание.

Выкупает! Не управляет им.

Уверенность на лице Гу Вэя мгновенно сменилась замешательством. С его губ слетела легкая полуулыбка.

«Неужели я ошибся?»

Камера безжизненно застрекотала, выдав механический голос Системы:

[Для спасения участника от наказания внутри игрового уровня требуется использовать Карту жизни. Подтвердите действие.]

— Зачем?.. — ошеломленно выдохнула Эйли в наушнике. — Вы не верите моим отчетам?

И Цяньвань, не сводя глаз с Гу Вэя, ответил Системе:

— Подтверждаю.

Стоило слову сорваться с его губ, как ревущее у самых ног Гу Вэя пламя застыло, словно на стоп-кадре.

В следующее мгновение огненные вихри, так и не посмевшие коснуться И Цяньвань, стремительно втянулись обратно и погасли.

Легендарный своей изощренной жестокостью уровень «Центральная больница» лишился половины главного корпуса. Обугленный остов здания одиноко возвышался на фоне блекнувшего неба.

Под ошеломленным взглядом Гу Вэя И Цяньвань развернулся и подошел к полуразрушенному оконному проему.

За разбитым стеклом догорал багровый закат.

Движения его губ изменились. Эйли на другом конце связи мгновенно перешла на считывание по губам.

— Твой профессионализм тут ни при чем. Но Кейсон — это особый случай, — одними губами произнес И Цяньвань. Он слегка нахмурился: — Кейсон никогда не вписывался в рамки сухих цифр и баз данных.

Он небрежно стряхнул пепел с сигареты. В его взгляде проскользнуло нечто теплое, почти нежное, выдавшее тщательно скрываемую радость.

— Но у меня есть способ проверить, он ли это.

Тем временем внутри уцелевшего крыла здания царило удушливое безмолвие.

Под прицелом тяжелого кузнечного молота Ху Ханьсяня никто не осмеливался даже вздохнуть лишний раз. Дураков лезть на рожон не водилось. Одно неверное движение — и в лучшем случае тебя ждал провал, а в худшем — раздробленные в кровавое месиво кости.

Напряжение достигло апогея, когда из-под массивных дверей первого этажа поползли сизые клубы тумана. Извиваясь, как живые, они начали уплотняться, превращаясь в смертоносные Туманные клинки. Они застыли в воздухе, готовые сорваться с места, стоило скрытой ставке разрешиться.

Картина недавней бойни, когда этот Туманный клинок заживо кромсал людей, была еще слишком свежа в памяти. Среди запертых игроков началась паника.

Однорукий сплюнул на пол сквозь зубы и процедил:

— Давай, шевелитесь, стадо! Нападайте толпой, надо его связать! Иначе нас всех тут пустят на фарш!

Чжуан Чжуан, размазывая по лицу слезы, ухватился за металлическую ножку от сломанных носилок и с воинственным видом встал плечом к плечу с Ху Ханьсанем. Чи Синь и пожилой актер поспешно подобрали с пола погнутые штативы для капельниц, используя их как импровизированное оружие.

Ху Ханьсань тяжело, исподлобья смотрел на однорукого и столпившихся за его спиной людей. Рука, сжимавшая рукоять молота, даже не дрогнула.

За спиной однорукого никто не шелохнулся.

— А если... если он мне пальцы разmozжит?! — заикаясь, пискнул кто-то из толпы. — Не забывай, если хоть один из нас пострадает, Система засчитает поражение всем!

— Да спрячь ты свои грабли подальше, кретин! — в ярости огрызнулся однорукий.

Но люди, косясь на занесенный над их головами пудовый молот Ху Ханьсяня, продолжали жаться к стенам.

— Твари трусливые! — взорвался однорукий. — Будем и дальше сопли жевать — нас тут прямо сейчас сожрут! Знал бы, с какими отбросами окажусь в одной лодке, сам бы удавился!

Нашелся-таки один смельчак, который с криком бросился вперед.

Чжуан Чжуан, Чи Синь и старый актер тут же вскинули свое нехитрое оружие, готовые драться насмерть.

В то же мгновение Ху Ханьсань резко опустил молот. Напряглись литые мышцы на его руках — сокрушительный удар обрушился на плиту, высекая снопы искр из металлического паза.

Но крови не было. Только ослепительная вспышка.

Прежде чем кто-то успел понять, что произошло, зависшие под потолком Туманные клинки со свистом обрушились вниз. Смертоносный вихрь в одно мгновение подмял под себя однорукого и всю рванувшуюся было к нему толпу.

Все случилось слишком быстро. Чжуан Чжуан еще сжимал в руках железку, тяжело дыша,

когда сквозь свист ветра донесся облегченный вздох стоявшего неподалеку NPC Цяо Луи:

— О-о-х... Наконец-то свобода...

Они обернулись. В бешеном вихре Туманного клинка, который стремительно уносил кричащих людей к тяжелым железным воротам, один человек внезапно отделился от общей массы.

Это был однорукий.

Вихрь швырнул его прямо к сломанным носилкам, на которые опирался Цяо Луи. словно обменявшись добычей, Туманный клинок отпустил калеку и взамен мертвой хваткой вцепился в NPC.

На вечно суровом лице однорукого впервые отразилось полнейшее недоумение.

Туманный клинок, уносящий Цяо Луи и толпу перепуганных артистов, с грохотом ударил в железные ворота. Несчастные не успели издать ни звука — их тела мгновенно растворились прямо в холодном металле створок.

Секунда — и на пол мертвым грузом посыпалась пустая одежда.

Среди вороха шмоток, устилавшего порог, зашевелился строгий костюм Цяо Луи. словно живой, он выполз из кучи, взмыл в воздух и устремился к распластанному на полу однорукому.

Ткань сама начала натягиваться на его тело!

Однорукий был куда крупнее и мускулистее хлипкого NPC, и одежда трещала по швам, впиваясь в плоть. Он дико закричал, извиваясь на полу и изрыгая отборную брань.

В наступившей тишине раздался жуткий, отчетливый хруст костей — суставы ломались и перестраивались, подгоняя человеческое тело под узкий силуэт пиджака.

Но как бы мужчина ни бился, прочнейшая ткань костюма не поддалась ни в одном месте.

Однорукий покрылся ледяным потом, его единственная здоровая рука судорожно скребла пол, но из горла больше не доносилось ни звука. Боль парализовала голосовые связки — он лишь беззвучно хрипел, широко разевая рот, словно выброшенная на берег рыба.

Наконец жуткий хруст прекратился. Синий костюм сидел на нем как влитой.

И тут левый, прежде пустой рукав дернулся. Из него медленно, сустав за суставом, выросла

новая рука.

Из глаз однорукого хлынули две струйки темной крови. Он тупо уставился на свою новую ладонь, пошевелил чужими, длинными пальцами, а затем небрежным жестом стер кровавые слезы с щек.

Когда он поднял веки, присутствующие содрогнулись: его глаза стали абсолютно черными, без намека на белки.

Мужчина резко, со звучным щелчком крутанул шеей и произнес деревянным, лишенным интонаций голосом:

— Здравствуйте. Меня зовут Цяо Луи.

Чжуан Чжуан растерянно повернулся к Ху Ханьсаню. Его руки мелко дрожали, а глаза налились слезами:

— Мой брат... они... они смогли выбраться?

Чи Синь застыла соляным столпом, не в силах вымолвить ни слова от пережитого ужаса.

Пожилой актер со звоном выронил бесполезный штатив и горько усмехнулся:

— Каждый сам за себя — таков закон этого проклятого мира. Не подставишь другого — сожрут тебя.

<http://bllate.org/book/18225/1758313>